
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

Б. М. КОНДОРСКИЙ

«РЕВОЛЮЦИИ» ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ («ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА)

Последние события в Армении показали, что проблема теоретического анализа и осмысления «цветных революций» по-прежнему носит актуальный характер. Автором предпринята попытка рассмотреть основные особенности, составляющие архетип «цветных революций», с позиций концепции революционного периода (РП). Каждая страна в своем развитии проходит РП, после окончания которого уже отсутствуют условия для революций, связанные с действием объективных законов исторического развития. Так, в России, Китае, Турции, Иране РП закончился в 1990-е гг. Только после окончания РП страна становится полноценным субъектом в глобальном геополитическом пространстве. Обнаружено, что во всех «цветных революциях» последних десятилетий, несмотря на внешние различия, присутствовали одни и те же базовые особенности, причем одной из важнейших и зачастую основной причиной так называемых «цветных революций» является геополитическое противостояние Западу. Так, используя недовольство населения своим социально-экономическим положением в постсоветских странах, посредством различного рода НПО западные страны пытаются привести к власти полностью лояльные им режимы и тем самым «оторвать» Россию от ее исторически сформировавшейся сферы влияния.

Ключевые слова: «цветные революции», революционный период, политические режимы, постсоветские страны, геополитическое пространство, Украина, Казахстан, Киргизия.

В процессе работы над статьей автором на основе событий первого Майдана (2004 г.) на Украине был сформулирован «синдром барина» (с отсылкой к известной поэме Н. А. Некрасова). Суть его

заклучалась в безоговорочной вере значительной части населения Украины в исключительную миссию В. Ющенко в случае избрания его президентом: люди искренне верили, что за 2–3 года новый президент сможет приблизить жизненный уровень населения Украины к такому, как у наиболее развитых стран Восточной Европы. Доказывать противоположное, в том числе знакомым автору, было бесполезно. Но, как мы уже знаем, реальное развитие событий обернулось полной противоположностью.

Г. В. Ф. Гегелю приписывают выражение: «История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса». Нечто похожее мы сейчас наблюдаем в Армении. Сходство с первым Майданом просто поразительное. «Синдром барина» проявил себя здесь на все сто процентов. Не надо быть провидцем, чтобы прогнозировать аналогичное (как на Украине) развитие ситуации в Армении с приходом к власти Н. Пашиняна, к тому же существует большая вероятность установления режима личной диктатуры.

Это говорит о том, что проблема «цветных революций», их теоретического осмысления в системе исторических событий начала XXI в. более чем актуальна. В основе каждого повторяющегося социального явления лежит архетип как совокупность определенных особенностей, воспроизводящихся в пространстве и во времени. Все «цветные революции» имели, несмотря на внешние различия, единый базовый архетип.

Проблема «цветных революций» будет рассмотрена в данной статье с позиций теории революционного периода (РП) и на основе сравнительного метода (в широком смысле этого слова). Каждое событие, каждое явление в истории человечества является частью, элементом системы, развернутой в пространстве и во времени. И для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, нужно проанализировать все основные события данной исторической системы, обусловленные действием ее объективных законов.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране составляют революционный период, понимаемый как целостная система в пространстве и времени, имеющая свои внутренние законы. Конкретные революции – лишь внешнее проявление процессов в рамках этой системы (Кондорский 2015; 2016; 2017а; 2017б).

Все государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). В СПГ (Англии, Франции, США) РП начался ранее всего и в каждой из вышеперечисленных стран имел свои особенности. В большинстве европейских стран (в частности, в Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии (группа СВГ) РП стартовал в середине XIX в. и завершился с окончанием Второй мировой войны. В СТГ – России, Балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских государствах – РП ограничился рамками XX в. В арабских странах РП начался только после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. «Арабская весна» как раз и стала проявлением этих революционных процессов.

В плане характера протекания РП особое положение занимают СТГ, в первую очередь ввиду особенностей их капиталистического развития. В СТГ капитализм присутствовал лишь в качестве капиталистического уклада, но отсутствовал как система. Уклад – это организационная структура общества, которая, в отличие от системы, не имеет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии не только в экономической, но и в политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы.

Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место после Февральской революции в России и в 1930-е гг. в Испании.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической системы, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой. Только после окончания РП страна может стать полноправным субъектом геополитического пространства. Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. оказалось то обстоятель-

ство, что СТГ (в первую очередь Россия, Китай, Турция, Иран), став субъектами геополитического пространства, предъявили естественные претензии на свою «законную» долю регионального или даже глобального влияния. Это вызвало раздраженную реакцию со стороны западных стран, став основой нового обострения геополитического противостояния и одним из основных факторов «цветных революций», которые, как правило, инициировались в регионах исторически сложившегося влияния СТГ.

РП в СТГ закончился в 1990-е гг., что означает исчерпание к началу XXI в. в этих странах каких-либо объективных и закономерных условий для революционных событий и процессов. Тем не менее определенные страды общества (особенно на Украине) пытаются обосновать закономерность «цветных революций». И первый, и второй Майданы на Украине происходили с грубым нарушением основных положений конституции страны. И в этом отношении понятно стремление политических сил, оказавшихся у власти на Украине, сделать свою власть легитимной. Очень показательны попытки принять закон, предполагающий наказание за отрицание так называемой «революции достоинства».

В связи с этим встает вопрос о стихийности «цветных революций», о роли социальных противоречий, связанных с нищетой, усталостью населения, тяготением общества к демократическим переменам (Манойло 2014: 178). Большинство западных, грузинских и украинских исследователей считают внешнее влияние мало-значительным и видят причину революции в желании граждан установить более демократичные и справедливые формы правления (Якушик 2006; Fairbanks 2007; McFaul 2005).

Понятно, что подобного рода либеральный подход носит поверхностный характер. Также понятно, что у подавляющей части населения восприятие демократии кардинально отличается от такового на Западе. Следует обратить внимание, что в советский период все основные блага человек получал от государства: и образование, и квартиру, и право на отдых, и, наконец, зарплату. При этом личная инициатива могла проявлять себя лишь в весьма жестких рамках. Подобного рода составляющая социального сознания в постсоветский период в существенной мере сохраняется и поныне.

На Украине данный феномен имеет к тому же глубокие исторические корни. Украина исторически не имела своей государственности, кстати, так же как и многие иные постсоветские республики, за исключением стран Балтии и Закавказья. В свое время войска Богдана Хмельницкого смогли установить контроль над большей частью территории центральной части современной Украины (примерно по периметру Новгород-Северский – Киев – Овруч – Умань – Чигирин – Полтава – Батурин), сформировав своего рода казацко-шляхетское квазигосударство (так называемую Гетманщину), которое так и не смогло получить признание и обрести суверенитет. После длительного периода «блуждания между трех сосен» (Речь Посполитая – Османы – Русское царство) Гетманщина окончательно закрепила под протекторатом России, а позднее вошла в состав Российской империи.

Прошли века. После распада СССР для Украины начался период «незалежности». Руководство страны, ее СМИ, различные НПО внушали населению необходимость ориентации Украины на Запад. В результате за весь этот период на Украине не было построено ни одного крупного современного предприятия, выпускающего конкурентоспособную продукцию. Культивируемый таким образом иждивенческий тип сознания стал основной внутренней причиной «цветных революций» и участия в них народных масс.

Начиная с середины 1990-х гг. политическое руководство «кормило» население страны обещаниями, что Украина вот-вот вступит в ЕЭС. В сознании значительной части населения стали доминировать ожидания, связываемые с революционным способом изменения политической власти (Степаненко 2005: 32). Эти ожидания и нашли свое выражение в «синдроме барина», о котором уже шла речь. Подобного рода явление в более широком историческом плане можно было бы назвать «синдромом мессии», часто проявлявшимся ранее в Восточном Средиземноморье в условиях перманентного социального кризиса.

Но в современных условиях такое массовое ожидание революционного разрешения социального кризиса (и на Украине, и в других подобных случаях на постсоветском пространстве) подталкивает элиты к государственному перевороту (Манойло 2014: 178; Меркулов и др. 2016: 30). При участии народных масс в качестве

массовки происходили смена режимов и отстранение от власти прежних автократов и их окружения (Прокофьев 2011: 26; Way 2008). При этом в отличие от классических революций в ходе этих трансформаций о появлении нового общественного строя речь не шла (Меркулов и др. 2016: 30); происходил лишь переход власти от одной группы элиты к другой.

Одна из важнейших функций элиты – сохранение приемлемого качества социально-политического пространства общества. Деградация элиты означает деградацию этого пространства, когда оказывается достаточно одного толчка, чтобы инициировать революционный процесс. В свое время Февральская революция 1917 г. стала полной неожиданностью и для буржуазии (Спирин 1987: 61), и для социалистических партий, включая большевиков (Троцкий 1997: 158).

В РП «революционную элиту» зачастую контролирует вождь как олицетворение народа (нации). По существу, этот институт был характерен для РП всех основных стран. Достаточно вспомнить режим пенсионариев в Нидерландах, диктатуру О. Кромвеля в Англии, периоды Первой и Второй империй во Франции. Сталинский режим в истории Советского Союза называют тоталитарным. Однако для более глубокого понимания стоит обратиться, например, к афинской демократии античного периода, где достижения того или иного должностного лица практически не принимались во внимание при наказании за допущенные ошибки. При ostracismе политика изгоняли за его потенциальную опасность для полиса. Суд по политическим делам проводился не по законам, а согласно гражданской совести. Часто репрессиям подвергались друзья обвиняемого, родственники и даже дети. Вспомним и о практике гипертрофированного сикофантства (когда в обществе культивировался целый класс профессиональных доносителей), о шпиономании в форме лаконофильства и мидизма (Зберовский 2008; Кудрявцева 2008). Мы видим все то, что было характерно для тоталитарных режимов в XX в., но в Афинах именно с помощью этих инструментов демос (гражданская община) держал элиту под жестким контролем. И. В. Сталин всеми способами боролся против клановости и корпоративности. Кадры подбирались им с позиций профессиональной пригодности (Багдасарян, Сулакшин 2011: 81). Этим мож-

но объяснить репрессии против партийной «старой гвардии» и военной элиты: тем самым утверждался приоритет интересов народа, нации, а не внутренних интересов корпораций. В то же время корпоративность военной элиты была характерна для многих СТГ – Сербии, латиноамериканских стран, Турции.

При Брежнев в СССР устанавливается иной, авторитарный тип политического режима. При этом элита в конечном итоге полностью выходит из-под контроля, что сыграло не последнюю роль в развале Союза. В отличие от сталинского периода происходит определенное отчуждение народа от существующей власти. В КНР культурная революция была связана с восстановлением контроля над элитой, в первую очередь прозападного толка. В этой стране, в отличие от СССР, армия находилась в органическом единстве с партией и была основным источником кадров для административно-управленческого аппарата государства. Это в решающей степени обусловило устойчивость КНР к «цветным революциям», попытки осуществления которых отмечались здесь еще в 1980-е гг. (Кондорский 2016: 163).

Авторитарный тип политического режима оказался востребован и после развала СССР, особенно в 1990-е гг. Ряд украинских исследователей пытаются представить постсоветские режимы как «неототалитарные» (см., например: Бабкіна, Горбатенко 1998: Дергачев, Полохало 1996). Однако вряд ли речь можно вести о неототалитаризме, а тем более проводить сопоставление с тоталитарными режимами 1930–1940-х гг.: там имело место доминирование правоохранительных органов и даже определенное их отчуждение от власти, как это было в Советском Союзе в 1937–1938 гг. и в Германии при руководстве RSHA Р. Гейдрихом. В постсоветских республиках, особенно в 1990-е гг., мы наблюдаем, напротив, известный контроль криминально-олигархической элиты над исполнительной властью, но не наоборот (Мациевский 2008: 23). Почему Л. Кучма сделал своим преемником В. Януковича, а не того же С. Тигипко, который с гораздо большей вероятностью мог выиграть выборы? Потому что Янукович был креатурой главного олигарха Украины Р. Ахметова.

Диктатура в РП всегда была направлена против корпораций, особенно – претендующих на политическое влияние. Якобинская дикта-

тура боролась с носителями корпоративного сознания еще времен «старого порядка» дореволюционной Франции. В свою очередь, термидорианский переворот, объединивший представителей самых различных политических взглядов, был направлен уже против Якобинского клуба и его руководства. Те же процессы, но уже в рамках Директории, привели к событиям 18 брюмера 1799 г. и приходу к власти Наполеона, который терпеть не мог любые проявления корпоративности.

После окончания РП уже невозможно установление диктатуры в классическом понимании. Поэтому эффективность контроля процессов проникновения корпоративных интересов в сферу принятия политических решений (расцвет подобных практик «проникновения» мы наблюдали при Б. Ельцине) зависит в первую очередь от качеств руководителя страны. «Цветные революции» во многом были связаны с ослаблением власти авторитарного лидера (Наумов 2016: 48; Прокофьев 2011: 30). Любая форма корпоративизма в политической, экономической и других сферах противоречит национальным интересам государства. Хотим мы этого или нет, но без эффективной авторитарной демократии СТГ не могут нормально развиваться. Помимо России, примерами могут служить Китай и Турция, – в отличие от Украины, которая уже четверть века находится в состоянии перманентного кризиса. Ни один из украинских президентов так и не смог установить эффективный режим авторитарной политической власти. Что касается демократии, она здесь весь период «незалежности» носила карикатурный характер.

Для стран, где имели место «цветные революции», был характерен раскол элит. В нормальных государствах различные фракции элиты должны дополнять друг друга и, главное, согласованно продвигать национальные интересы. На Украине же клановость элиты опиралась в первую очередь на территориальную привязку финансово-промышленных групп (Прокофьев 2011: 69). Клановая структура элиты всех среднеазиатских стран сформировалась еще во времена Советского Союза (Collins 2004). В частности, кейс Киргизии исследован в работе (Эсенбаев 2015: 82 и др.). Во многом основным толчком к «тюльпановой революции» 2005 г. послужило нарастающее недовольство населения юга Киргизии засильем северных кланов (Труевцев 2005: 13).

Аналогичная ситуация сейчас наблюдается в Казахстане. Здесь органы государственной власти в свое время стали заполняться выходцами из сельской местности и оттеснять казахскую городскую интеллигенцию, не так хорошо владеющую государственным языком, не говоря уже о русскоязычных гражданах. Новые группы во власти мыслят категориями клана: для клана важно не личное «я», а опора на родственников и земляков. При этом подобного рода механизм задействован не только в органах административной власти, но и в госкорпорациях (Борисова 2002: 31–32). И в Киргизии, и в Казахстане мы имеем рекрутирование элит на основе традиционных институтов. К сожалению, Н. Назарбаев, возможно, сам того не ведая, заложил слишком много «мин», которые могут взорваться после его ухода с политической арены. Подобные явления наблюдались и наблюдаются в ряде других постсоветских республик вследствие корпоративности элиты.

Уместно остановиться также на концепции двойственности социального сознания. В сознании человека можно выделить две основные составляющие – этническую и личностную (подробнее см.: Кондорский 2015). Этническое сознание формируется еще в детстве (приблизительно до 10 лет). В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание устойчиво сохраняет заданный характер. Его нельзя изменить волевым способом. Можно говорить только о степени его активизации.

Характерной особенностью этнического сознания является то, что социальная действительность категоризируется с помощью базовой пары «мы – они» (Ачкасов 1999: 49). Этническое сознание приводит к деиндивидуализации в форме национализма, где коллективная граница «свои – чужие» является определяющей (системообразующей). Этот тип общности основан на эмоциях и обладает мощной энергетикой. При попытках использовать эту энергетику в политической сфере она часто выходит из-под контроля политиков, сметая все индивидуализированное: это как пожар в сухом лесу – его легко разжечь, но трудно потушить (см., например: Липкин 2008).

В советский период на уровне личностного сознания различия между украиноговорящими жителями Средней и Западной Украи-

ны были более заметны, чем между, например, полтавчанином и русскоговорящим жителем Донбасса. Ситуация изменилась в период независимости. Наметились две основные тенденции: преобладание в культурной сфере и средствах массовой информации выходцев из Западной Украины или лиц, разделяющих их взгляды, и процесс активизации этнического сознания не без участия вышеуказанного фактора. События еще первого Майдана 2004 г. резко усилили этот процесс, способствовали расколу нации и поляризации украинского общества; при этом гражданская активность в период обоих Майданов базировалась в основном не на личностном, а на этническом сознании.

К тому же в 1960–1970-е гг. наблюдался значительный приток сельского населения в Киев и некоторые другие крупные города Украины (за исключением Донбасса), что сыграло не последнюю роль в успехе обоих Майданов. Согласно социологическим опросам по поводу взглядов населения на «оранжевую революцию», 66 % киевлян считали, что в основе революции лежит осознанная борьба; даже в западных областях этой точки зрения придерживались 53 % населения (цит. по: Уайт, Макалистер 2010: 9).

Этническая напряженность достигла уровня, который наблюдался в середине XVII в. и в период Гражданской войны 1917–1921 гг. По существу, сейчас мы имеем новую Руину украинской истории. В период первой Руины (1657–1687 гг., Гетманщина) сложилась слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходившая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. Прошло более трехсот лет, но в этом отношении на политическом пространстве Украины мало что изменилось.

В России, так же как и на Украине, РП пришелся в основном на годы советской власти. Сформировался советский базис политико-экономической системы как фундамент, на котором сейчас строится новый дом. Этот фундамент невозможно изменить волевым путем, не разрушив при этом построенного на нем государства. В Китае это поняли еще в 1980–1990-е гг., что и обусловило успешное развитие этой страны.

В то же время на Украине наличие этого доставшегося ей в наследство от советской эпохи базиса последовательно игнорировалось, особенно начиная с правления В. Ющенко. Образующийся

вакуум в сфере политических институтов стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы. Определяющую роль здесь сыграло влияние представителей западных областей (особенно через СМИ). Сказалась принципиальная неоднородность украинского социально-политического пространства, исторически сформировавшееся деление на западную (пространство влияния Речи Посполитой и Австро-Венгрии) и восточную (пространство влияния Русского царства) ее части. Поэтому РП Западной Украины прошел в рамках Австро-Венгрии и буржуазной Польши как СВГ. В результате в период независимости вместо реального, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное социокультурное пространство украинской протонации – иллюзорно-мифологического типа. Возник глубокий кризис национальной идентичности вследствие попыток консолидации общества на основе поисков внутреннего и внешнего врага.

Не последнюю роль сыграл и тот факт, что более 80 % нынешней политической элиты Украины (включая четырех президентов) являются выходцами из сельской местности. И сколько «университетов» они бы затем ни оканчивали, их базовый менталитет выдавал в них прежних «хлопців з глухого села».

Анализ украинского случая позволяет обозначить принципиальные различия между «цветными» и «бархатными» революциями. В восточноевропейских (бывших социалистических) странах (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) РП закончился с окончанием Второй мировой войны и, соответственно, сформировался буржуазный базис, на котором Советский Союз попытался возвести социалистическую надстройку. На рубеже 1980–1990-х гг. произошел процесс демутации. Хотя данный термин используется в экологии для обозначения процесса восстановления коренного сообщества, он более чем подходит для данной ситуации восстановления полноценной социальной среды.

Обратим внимание на технологичность «цветных революций». В них Запад выступает реальным субъектом и «режиссером» (Комлева 2013; Филимонов и др. 2015: 414; Наумов 2016: 48). «Цветные революции» оказываются высокотехнологичным продуктом эпохи глобализации (Пономарева 2012: 88), маркируя целый комплекс процессов, имитирующих социально-политическую революцию

(Гапич, Лушников 2010: 14). При этом основная работа по их подготовке осуществляется различными НПО, финансируемыми из-за рубежа (Пономарева, Рябинин 2015: 28). Так, на Украине к началу 2004 г. была выстроена широкая инфраструктура центров влияния, которая насчитывала более тысячи разного рода неправительственных организаций. Ежегодно на их нужды перечислялось более 200 млн долларов (Цветные... 2015: 70). В период второго Майдана ноябрьские акции оппозиции были заранее подготовлены и спланированы западными специалистами, а сам Евромайдан был полностью срежиссирован Госдепартаментом США (Наумов 2016: 235). Однако первенство в плане влияния НПО на подготовку «революционных выступлений» нужно отдать все-таки Киргизии. В этой небольшой и небогатой республике на зарубежные гранты было создано более 5 тыс. НПО (Князев, Масаулов 2014; Прокофьев 2011: 106).

В отдельных случаях Запад мог открыто вмешиваться в политический процесс в рамках «цветных революций». Американский посол в Киргизии Стивен Янг публично требовал от А. Акаева оставить пост главы государства по завершении президентского срока (Гриняев 2015: 100). То же самое сделал заместитель помощника госсекретаря по делам Европы и Евразии Б. Линн Паско (Кузьмин 2008: 15). Впрочем, во время второго Майдана на Украине прямое вмешательство западных стран носило еще более масштабный, поистине беспрецедентный характер.

Важную роль Запад отводил установлению контроля над СМИ, которые начинали кампанию по дискредитации неугодной власти. Так как на Украине основные СМИ принадлежали олигархам, по отношению к ним использовался финансовый шантаж. Финансированные Западом НПО оказали определяющее влияние на формирование оппозиционных СМИ (Наумов 2016: 166), особенно посредством широкого использования интернет-ресурсов (Там же: 49).

Особая роль отводилась молодежи и молодежным организациям, деятельность которых в основном заключалась в мобилизации людей на протестные акции (технологии такой мобилизации проанализированы в: Станчик 2012). По примеру «Отпора», который представлял основную ударную силу «молодежного протеста» в Сербии (Меркулов и др. 2016: 42; Пономарева, Рябинин 2015: 44),

были организованы грузинская «Кмара», украинская «Пора», киргизские «Кел-Кел» и «Бирге!». Создаваемая инфраструктура имела иерархический характер. Широко использовались социальные сети, а также особая символика для легко различаемого разделения молодежи на «мы» и «они» (Меркулов и др. 2016: 42–46).

Технологически «цветные революции» проводились по определенному шаблону (Манойло 2014: 179), опробованному еще в период «арабской весны», с одним и тем же доминирующим принципом действий, последовательностью используемых механизмов организации и проведения протестных выступлений (Наумов 2016: 48; Комлева 2013). И в Сербии, и республиках постсоветского пространства состоявшиеся и несостоявшиеся «цветные революции» были связаны с президентскими или парламентскими выборами. В период, предшествующий выборам, на деньги прозападных НПО формировалась – обычно путем консолидации разношерстных политических сил – оппозиция, как правило, придерживающаяся в той или иной степени антироссийской направленности. Организовывались тренинги, на которых формировалось ядро активистов (обычно из молодежи), а они мобилизовали сторонников оппозиции, проводивших уже «черновую» работу. В основе организации протестного движения лежал сетевой принцип, напоминающий организацию глобальных террористических сетей (Манойло 2014: 183). В Киргизии заметную роль в мобилизационных мероприятиях оппозиции сыграли также криминальные структуры (Прокофьев 2011: 71). В дальнейшем оппозиция заранее заявляла о своей победе, а иные результаты объявлялись сфальсифицированными. После объявления результатов выборов, не устраивающих оппозицию и ее западных покровителей, начинались акции «революционного неповиновения», блокирование или прямой захват правительственных зданий (Меркулов и др. 2016; Кузьмин 2008: 15).

В ряде случаев подобного рода действия носили более радикальный характер. При штурме ГУВД во время событий в столице Киргизии в 2005 г. здание было подожжено с помощью бутылок с зажигательной смесью и почти полностью сгорело. При этом наблюдались многочисленные случаи грабежей и мародерства (Гриняев 2015). Еще более радикальный характер носили события второго Майдана на Украине.

Следует отметить, что методы и технологии «цветных революций» были отработаны еще в предыдущие периоды. Множественные сходства можно найти между ними и студенческими выступлениями в мае 1968 г. во Франции, особенно в плане технологий. Примечательно и другое. Еще во времена Советского Союза в период студенческих выступлений на Украине осенью 1990 г. раздавались ультимативные требования и угрозы властям. А 10 ноября 1989 г. имел место штурм здания МВД МССР в Кишиневе с использованием бутылок с зажигательной смесью, свидетелем чего был сам автор.

* * *

Согласно закономерностям РП, только после его окончания страны становятся полноправными субъектами геополитического пространства. Законные внешнеполитические амбиции таких стран, как Россия, Китай, Турция, Иран, вызвали полное неприятие со стороны Запада, в первую очередь США. Всевозможные «цветные революции» следует рассматривать в первую очередь как следствие глобального противостояния с одной стороны стран Запада (СПГ и СВГ), а с другой – СТГ. В этом отношении показательна позиция Турции как СТГ, которая все больше отдаляется от своих прежних союзников – стран НАТО.

В процессе геополитической борьбы в рамках так называемой Большой игры со стороны Запада в отношении его потенциальных конкурентов стала применяться «тактика анаконды» (Комлева 2014; Хаусхофер 2001). Большая игра, по мнению Э. Уолберга, длится уже почти три столетия (Walberg 2011). Политика, направленная на окружение России враждебными ей режимами и военными базами, как красными флажками, подобна тактике охоты на волков. Не надо забывать, что попытки «цветных революций» предпринимались в Азербайджане (2005 г.), Узбекистане (2005 г.), Казахстане (2006 г.), Белоруссии (2005 и 2007 гг.). В частности, Киргизия привлекала США как форпост их интересов в Центрально-Азиатском регионе; используя Киргизию в качестве плацдарма, США рассчитывали претворить в жизнь концепцию «Большой Центральной Азии» (Караганов 2008: 343).

Потерпев неудачу на пути «цветных революций», Запад изменил свою тактику и пытается установить контроль над Россией с помощью экономических санкций. Эта стратегия нацелена на эрозию (от лат. *erosio* – разъедание) еще молодого российского гражданского общества и проводится с помощью разного рода НПО (о роли которых уже говорилось выше), а также тоталитарных структур, управляемых и направляемых Западом. Причем речь не обязательно должна идти об организациях, занимающихся политической деятельностью. Если в западных странах они являются естественным компонентом гражданского общества, то в условиях России как СТГ – фактором, способствующим формированию и продвижению архетипов чуждого ее цивилизационной специфике массового сознания (альтернативной цивилизационной ментальности).

Выводы

Окончание в 1990-е гг. революционного периода для стран третьей генерации означало упразднение каких-либо причин для появления здесь революционных событий на объективной основе. Классические революции практически всякий раз возникали независимо от сознания управляющей и оппозиционной элит, тогда как «цветные революции» носили управляемый характер. «Стихийное» участие населения в подобного рода мероприятиях было связано, с одной стороны, с массовым недовольством, а с другой – с длительной работой оппозиционных сил и СМИ, поддерживаемых Западом. Все эти «революции» обеспечивались соответствующими политическими технологиями, а необходимые для их осуществления финансовые средства поступали через многочисленные НПО. В качестве повода для протестных выступлений обычно использовались парламентские или президентские выборы, результаты которых объявлялись оппозицией сфальсифицированными. Основной целью «цветных революций» была смена существующего режима и приход к власти угодных Западу политических сил.

Пренебрежение элитой соответствующих стран своей функциональной ролью хранителя и устроителя национального социально-политического пространства способствовало нарастанию неустойчивости государства. В 1990-е гг. важными факторами роста такой

неустойчивости являлись раскол и корпоративизм элиты, дифференцирующейся по территориальному принципу на Украине и в русле кланового противостояния – в среднеазиатских государствах. Ответной реакцией на подобного рода явления стало усиление авторитарных тенденций политических режимов в постсоветских странах, а также в КНР, Турции, что имело целью обеспечение внутренней и внешней стабильности общества и государства.

Особая роль в «цветных революциях» отводилась молодежи и молодежным организациям, созданным по единому шаблону и обеспечивающим мобилизацию участников протестных акций при широком использовании социальных сетей.

Для понимания характера «цветных революций» в той или иной стране, менталитета участников протестных акций нужен анализ исторического развития этих государств. События на Украине, связанные с обоими Майданами, можно рассматривать как новую, третью эпоху Руины, особенно принимая во внимание многочисленные элементы подобия их базового характера с первой (вторая половина XVII в.) и второй (период Гражданской войны) Руинами. Все это сопровождалось резкой активизацией этнической составляющей социального сознания. В среднеазиатских странах сохраняющиеся элементы традиционного сознания проявились в клановости формирования и функционирования элит (особенно в случаях Киргизии и Казахстана).

Зафиксируем принципиальное различие между так называемыми «бархатными» и «цветными» революциями. Согласно концепции РП, в европейских странах социалистического лагеря (как СВГ) РП закончился после Второй мировой войны. В результате сформировался «буржуазный» базис, на котором была предпринята попытка установить социалистическую надстройку. «Бархатные революции» как раз и стали социально-политическим механизмом возврата к исходному базовому состоянию этих стран.

Напротив, «цветные революции» имели место только в СТГ, поскольку страна становится субъектом геополитического пространства только после окончания РП. В начале XXI в. СТГ (в первую очередь Россия, КНР, Турция, Иран) стали претендовать на свою долю влияния в рамках глобального геополитиче-

ского пространства, что вызвало противодействие со стороны Запада, прежде всего в лице США. «Цветные революции» можно рассматривать как одно из важнейших воплощений этого противостояния.

Литература

Ачкасов, В. А. 1999. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. *Журнал социологии и социальной антропологии* 1(11): 45–56.

Бабкіна, О. В., Горбатенко В. П. (ред.). 1998. *Політологія. Підручник для студентів вузів*. Київ: Академія. 368 с.

Багдасарян, В. Э., Сулакшин, С. С. 2011. *Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология*. М.: Научный эксперт. 344 с.

Борисова, Е. А. 2002. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном. *Вестник Евразии* 1: 27–47.

Гапич, А. Э., Лушников, Д. А. 2010. *Технологии цветных революций*. М.: Риор. 132 с.

Гриняев, С. Н. (ред.) 2015. *Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах*. М.: АНО ЦСОиП. 236 с.

Дергачев, О., Полохало, В. 1996. Метаморфози посткомуністичної влади (Тоталітаризм і влада). *Сучасність* 9: 50–56.

Зберовский, А. В. 2008. *Становление демократической политической культуры в Элладе VIII–V веков до н. э.: Политическая мысль и политический человек доплатоновского периода (культурологический аспект)*. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева. 310 с.

Караганов, С. А. (отв. ред.) 2008. *Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить*. М.: АСТ: Русь-Олимп. 448 с.

Князев, А., Масаулов, С. 2014. Киргизия: самая обширная сеть НПО, военные базы и разложение государственности. В: Блум, У., *Убийство демократии. Операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период*. М.: Кучково поле. С. 297–311.

Комлева, Н. А.

2013. «Арабская весна»: геополитический аспект. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки* 2(115): 160–169.

2014. Украинский кризис как элемент «тактики анаконды». *Вестник российской нации* 3(35): 191–206.

Кондорский, Б. М.

2015. Теоретический взгляд на события XX – начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины). В: Юрченко, В. М. (ред.), *IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи»*. Научно-практическая конференция. Краснодар: КубГУ. С. 382–390.

2016. Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода. В: Зайнуллин, Г. Г. и др. (ред.), *Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников IX Международной научно-практической конференции*. Казань: Изд-во «Фэн» АН Республики Татарстан. С. 156–166.

2017а. Внутренняя логика русских революций. В: Юрченко, В. М. (ред.), *VI Столыпинские чтения. Социально-политическая и экологическая безопасность как политический курс стратегического развития современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием*. Краснодар: КубГУ. С. 314–321.

2017б. Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX – начале XX века с позиций концепции революционного периода. *Historia Provinciae – Журнал региональной истории* 3(1): 73–91.

Кудрявцева, Т. В. 2008. *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.: Алетейя. 464 с.

Кузьмин, В. 2008. Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах. *Зарубежное военное обозрение* 9: 9–18.

Липкин, А. И. 2008. Россия и Европа. Проблемы цивилизационной и национальной идентичности. В: Громыко, А. А. (отв. ред.), *Россия и Европа: вопросы идентичности*. М.: ИЕ РАН. С. 103–113.

Манойло, А. В. 2014. «Цветные революции» как угроза российской нации. *Вестник российской нации* 3(35): 176–190.

Мацевский, Ю. 2008. Политический режим Украины после «Оранжевой революции». *Политэкс* 4(4): 18–40.

Меркулов, П. А., Елисеев, А. А., Бочанов, М. А. 2016. *«Цветные революции» как технологии современной геополитики*. Орел: ОФ РАНХиГС. 140 с.

Наумов, А. О. 2016. *Мягкая сила, цветные революции и технологии смены политических режимов в начале XXI века*. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 274 с.

Пономарева, Е. 2012. Секреты «цветных революций». *Свободная мысль* 1–2: 87–98.

Пономарева, Е. Г., Рябинин, Е. В. 2015. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса. *Обозреватель – Observer* 12: 38–51.

Прокофьев, А. В. 2011. *«Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI века на примере Грузии, Киргизии и Украины. Сравнительное исследование*. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 190 с.

Спирин, Л. М. 1987. *Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий*. М.: Мысль. 333 с.

Станчик, С. С. 2012. Молодежные организации как ударная сила «цветных революций». *Право и политика* 10: 1676–1679.

Степаненко, В. 2005. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии* 6: 25–38.

Троцкий, Л. Д. 1997. *История русской революции*: в 2 т. Т. 1. *Февральская революция*. М.: ТЕРРА; Республика. 464 с.

Труевцев, К. М. 2005. «Цветные революции» и террористическая угроза в Центральной Азии. *Полития* 2: 5–21.

Уайт, С., Макалистер, Й. 2010. Переосмысление «оранжевой революции». *Социология: теория, методы, маркетинг* 2: 3–27.

Филимонов, Г. Ю., Карпович, О. Г., Манойло, А. В. 2015. *Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России*. М.: РУДН. 581 с.

Хаусхофер, К. 2001. *О геополитике. Работы разных лет*. М.: Мысль. 426 с.

«Цветные революции» как исторический и политологический феномен. 2015. М.: Сам полиграфист. 228 с.

Эсенбаев, А. Э. 2015. Особенности родоплеменных отношений в Кыргызстане и их влияние на развитие института выборов: попытка осмысления. *Вестник КРСУ* 2(15): 81–85.

Якушик, В. М. 2006. Українська революція 2004–2005 років. Спроба теоретичного аналізу. *Політичний менеджмент* 2: 19–36.

Collins, K. 2004. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories. *World Politics* 2(56): 224–261.

Fairbanks, Ch. H. Jr. 2007. Revolution Reconsidered. *Journal of Democracy* 1(18): 42–57.

McFaul, M. 2005. Transitions from Postcommunism. *Journal of Democracy* 3(16): 5–19.

Walberg, E. 2011. *Postmodern Imperialism: Geopolitics and the Great Games*. Atlanta, GA: Clarity Press, Inc. 300 pp.

Way, L. 2008. The Real Causes of the Color Revolutions. *Journal of Democracy* 3(19): 55–69.